

— Исполняйте! — подтвердил генерал. — И чай пусть сделают, погорячее, если не затруднит.

— Конечно, одну минуту...

Бача был сегодня бодр как никогда. Он шел по ночному полю к своей подруге. Почему он назвал «Анной» грозный и практически неубиваемый вертолет «Аллигатор» КА-52, знал только генерал, в связи с чем всегда сочувственно подшучивал над ним. Но смутить Бачу было невозможно. «Анна» требовала от Бачи идеальной внешности и хорошего одеколона. В связи с этим генерал всегда говорил Баче, чтобы тот не беспокоился, что его труп не опознают: «Ты единственный будешь вонять своим керосиновым одеколоном, от которого даже мошкарадохнет. Так что не переживай!»

Бача остановился. Вгляделся в ночное звездное небо, достал новые здоровенные наушники, нашел на плеере свою любимую композицию группы *Jefferson Airplane*. Слова в конце песни «We are volunteers of America» (мы добровольцы из Америки) Бача всегда подхватывал. При этом вместо «of America» он протяжно, с нарочитым нажимом выкрикивал своим грозным хриплым голосом: «из Советского Союза!»

* * *

Песня — из яркой и бурной молодости Бачи.

Совсем молодым студентом авиационного института он попал по обмену в США, где познакомился с красивой американкой Анной, в то время активисткой-хиппи. Бача долго сопротивлялся ее вниманию. Он хоть и был молод, но хорошо понимал, что такое посольская резидентура, и то, что про все эти прогулочки сразу станет известно в Москве и его моментально вернут.

Но любовь!.. И Анна, как водоворот, сначала унесла Бачу от нормальной студенческой жизни, а потом он очнулся на лужайке ее загородного дома, ясно помня лишь то, что они вместе курили травку, на чем его воспоминания окончательно обрывались.

Спустя два дня его уже везли в советское посольство. Но где-то там, в том доме, оставалась Анна, и Бача улизнул из машины. Его искали две недели. Полиция обнаружила Бачу у Анны дома. Они лежали в кровати, обнявшись, почти не дыша, улыбались. Сквозь дым марихуаны они смотрели на потолок, слушая гимн своей любви. Условие возвращения в СССР Бача поставил сразу — только с Анной. Она тоже была не против. Но людей, занимавшихся его судьбой, смущало только одно — влюбленным было по восемнадцать, и все понимали, что это всего лишь юность со всеми ее ошибками и «искренностью чувств».

Отец Бачи, крупный советский ученый-химик, в это время уже выхлопывал у КГБ-шного начальства сделать ему лич-

ное одолжение — мол, спасти Бачу от империалистического влияния может только советская армия. На это лучший друг, с которым они прошли всю Великую Отечественную, утвердительно кивал, приговаривая, что «он ведь предупреждал», и что «советскому человеку ничего хорошего, кроме пороков, Америка дать не может».

Бачу вернули, но без Анны.

То, что всем казалось детской шалостью, для молодого, но не по годам зрелого Бачи стало самой большой трагедией всей его жизни. Он оказался очень добрым, способным любить абсолютно беззаветно, отдаваясь человеку один раз и на всю жизнь. Бача даже название для себя придумал: «плавкая вставка». Это такой предохранитель. Когда он сгорает, его выбрасывают. Починить невозможно. Он говорил: «Мой предохранитель уже сгорел. И починить меня нельзя! Осталась только песня *Volunteers* и имя “Анна”, которое всегда со мной! Я обещал Анне, что мы с ней умрем вместе, в один миг, под нашу песню, и я обязательно выполню это обещание!»

Поэтому он летал на «Анне» и искал смерть... Только смерть над ним посмеивалась и сбегала от него в нужный момент, забирая вместо Бачи десятки его врагов. Сначала это были талибы, потом чеченские боевики, а теперь вот — бандеровские нацисты.

Генерал хорошо понимал, что, несмотря на особые отношения Бачи со смертью, везение небесечно, счетчик тикает. Однажды все закончится. И останется только запах его киро-

синового одеколона и тихо звучащая для него в наушниках песня *Volunteers*.

Генерал даже пытался найти саму Анну, но Бача попросил оставить эту затею.

— Анна осталась там, куда не вернуться! Она тут! — в этот момент Бача сильно стучал по груди. И всегда на его глазах появлялись слезы.

Как Бача умел любить, так он умел и уничтожать врагов.

Сегодня, включив музыку, Бача похлопал по плечу напарника и, залезая в вертолет, напомнил:

— Ты, если надумаешь что сказать, толкни меня, а то я тут с «Анной» буду беседовать. От винта! Выдвигаемся!

Вертолет Бачи завелся и засиял множеством огней, обретая по-настоящему грозный вид.

Эпизод 7

Медсестра принесла Семёну выглаженную и почищенную форму, пахнущую стиральным порошком и духами медсестры.

— Товарищ полковник, за вами машина пришла. Можно переодеваться, выпускной эпикриз я приготовила. Он в конверте. А конверт у вас в кармане рюкзака. Он тяжелый, мне не донести. Сами тогда на складе заберете.

— Спасибо большое! А где мои солнцезащитные очки, вам не попадались? — поднимаясь с кровати и внимательно глядя на девушку, спросил Семён.

— Они разбились. Я осколки из кармана вытащила, — показывая перевязанный палец, широко улыбнулась медсестра, явно выказывая полковнику свое расположение. — Видите, даже порезалась! Но ничего, неглубоко...

— Меня Семён зовут, а вас как?

— Зоя, — было видно, что девушка обрадовалась.

Семён внимательно посмотрел на Зою, и ей показалось, что по лицу мужчины пробежала тень — так он вдруг сосредоточился и, уставившись в пол, замер.

— Родители у тебя живы? — мягко, как будто обращаясь к своей дочери, спросил Семён.

— Нет... Папу, маму, брата... Всех убило. Попали под «Град»¹, когда выходили из магазина. Вот так, — Зоя опустила глаза, на минуту задумалась, улыбнулась: — Вы такой, знаете, могучий — другой. Вы так мне нравитесь! Я как вас увидела, сразу поняла... Мне вас контуженого привезли... Но теперь вы ухóдите... — Зоя совсем не смущалась, что наговорила правды.

Семён слушал и думал, что впервые за столько лет его жизни он кому-то стал нужен. Без корысти и какого-либо обоснования. Просто потому, что так ей велело ее крохотное сердечко. В такие секунды, когда что-то незримое происходит в атмосфере, когда ты можешь обо всем забыть и через сердце другого человека ощутить себя, в такие мгновения и живет человек.

Но Семён понимал и другое — что с высоты своих лет и опыта никогда не позволит себе воспользоваться моментом и стать еще одним «убийцей» на Зоинем пути, на пути этого красивого, доброго и стойкого ребенка войны.

Семён вдруг подумал, что ситуация-то не очень хорошая. Он давно привык, что сердце должно быть отключено от чувств,

¹ Реактивная система залпового огня (РСЗО).

от желаний, от слабости сказать самому себе, что ты тоже человек. Он же мужик в конце концов!

Всю жизнь Семён заставлял себя нести ответственность за все сделанное и сказанное. Но больше всего за то, что он не досмотрел и упустил, хотя обязан был увидеть и просчитать.

Нынешняя ситуация была как раз такой. Семён хорошо понимал, что Зоя загорелась, у нее проснулись чувства к нему. Второй укол делала ему уже не обычная медсестра, забитая тяжелыми буднями и болью. Теперь к нему пришла совсем другая девушка — уложенные волосы, нашла какие-то духи... Он все сразу понял. Это была новая Зоя — окрыленная, ощутившая это внезапное чувство, способное даже в черных буднях войны заставить человека видеть нежные весенние цветы жасмина и вдыхать их запах.

Он был просто обязан все сразу пресечь. Но тогда бы Зоя испугалась, превратилась в комочек горя, снова замкнулась бы в рутинной работе с тяжелоранеными. И Семён не смог, не стал...

И произошло то, что могло бы принести ей «другую», но все-таки тоже боль.

Не ожидая от себя такого, он вдруг крепко обнял ее и прижал к себе.

— Зоя, ты прости меня, не досмотрел... Ты подожди меня, я вернусь скоро. Мы сядем с тобой и обо всем поговорим! —

Семён понял, что нужно спасти Зою от ужаса одиночества. Но еще важно — дать ей мотив не поддаваться на соблазны и искушения. — Дождешься? — тихо спросил Семён и, отстранив ее немного, улыбнулся и посмотрел ей в глаза. Впервые он рассмотрел Зою, и это было как вспышка. Она была не так юна, как он думал раньше, взгляд совсем взрослого человека, способного закрыть собой вражеский ДОТ ради тебя. Семён смотрел на нее и понимал, что в эти секунды происходит как раз то, что он должен был пресечь. И это уже было не про Зою. Он признался себе, что все это время пытался обмануть самого себя. Было страшно ощутить себя живым, с бьющимся сердцем — *человеком*. Зоя улыбнулась в ответ и щекой прислонилась к его плечу.

Машина возвращала Семёна на передовую.

— Товарищ полковник, — обратился к нему водитель, — у нас там «большие» командиры прибыли. Мы, наверное, в одно время с колонной придем. У них план какой-то серьезный. Генерал просил вас прибыть до начала. Говорит, наслышан о подвигах, очень ждет!

— А что за генерал? Как выглядит, как зовут?

Водитель начал рассказывать, как выглядит генерал, но со второго слова Семён перестал слушать, а просто смотрел в окно, держа автомат наизготовку, расслабляться было нельзя! Он понял, что через несколько минут увидит человека,

с которым прошел самые тяжелые за все долгие годы войны в Чечне бои.

Оставалось совсем немного до позиции. А впереди, в облаках поднявшейся пыли и дыма, шла нескончаемая колонна их техники со знаком «О».

Семён поднес к носу рукав камуфляжа и глубоко вдохнул. Сквозь гарь и порох, которыми пропиталось все в машине, едва заметно пробивался аромат Зоиных духов. Семён улыбнулся и опустил ветровое стекло машины...

